

Дискурсы городских пространств: этика и историческая память

Научный руководитель – Шестакова Марина Анатольевна

Котунова Ольга Владимировна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра этики, Москва, Россия
E-mail: olgamylene@gmail.com

Мемориальная культура и проводимая в отношении нее историческая политика сегодня притягивает внимание исследователей из самых разных областей знания. Вопросы, касающиеся данной тематики, организуют вокруг себя активное дискуссионное пространство, а демократический механизм открывает его для участия всех заинтересованных лиц. При этом память как основа идентичности сообществ напрямую связана с ценностями, защита которых оказывается первостепенной. Этот фактор значительно повышает ставки в дискуссиях и осложняет принятие решений в области исторической политики.

Проблема приобретает особую важность благодаря тому, что историческая память, существующая в качестве идеального нарратива, непосредственно влияет на организацию материального общественного пространства: от архитектурного стиля городов до уличного граффити. В свою очередь, от мемориальной составляющей окружающей реальности зависит, что будет помнить общество, для которого это пространство окажется непосредственной средой обитания.

На эту особенность обратил внимание один из первых исследователей в области коллективной памяти, М. Хальбвакс, высказываясь о важной роли предметов материальной культуры в повседневных мемориальных практиках [4]. Морфология материального пространства памяти получила дальнейшее развитие в концепции «мест памяти» П. Нора, который критически переосмыслил идеи Хальбвакса в духе знаковой теории Р. Барта [3]. Ту же исследовательскую линию продолжает современный теоретик коллективной памяти А. Ассман.

Избрав предметом своих исследований память, Ассман остановила внимание на трудном мемориальном наследии Германии. Одна из ключевых идей ее концепции состоит в том, что в работе памяти забвение играет не меньшую роль, нежели воспоминание [1]. Проведенный ею анализ форм забвения показал, что перенесенная в область этики процедура забвения имеет разную ценностную нагрузку. Выделяются позитивные (*конструктивное* и *терапевтическое*), негативные (*деструктивное* и *охранительное*) и нейтральные (*автоматическое*, *сберегающее* и *селективное*) формы забвения. Основным смысл контролируемой работы памяти (например, в виде проводимой исторической политики) заключается в последовательном выявлении негативных или нейтральных форм, проработке трудного прошлого и успокоении в терапевтическом забвении.

В контексте данной теории Ассман анализирует не только идеальное, но и материальное общественное пространство; так, она рассматривает мемориальную составляющую городской среды и, в частности, проблему памятников. Обращаясь к работе Р. Музиля, Ассман интерпретирует его высказывание о растворении монументов в городском пейзаже.

Собственная линия мысли Музиля состоит в том, что памятники, призванные увековечить важные для общества события, не исполняют своей функции [2]. Если раньше их появление на площадях было диковинным и приковывало к себе всеобщее внимание, то в трансформировавшейся городской среде они стали привычным элементом и исполняют

скорее топографическую функцию. Статика фигуры сковывает смысловое содержание, создает дистанцию, которая из почтительной со временем превращается в равнодушную, повергая героев в пучину забвения у всех на виду.

И все же Музиль, как полагает Ассман, недооценил потенциал памятников. Невидимые в динамике городской жизни, они подчиняются иному темпоральному режиму. Знаменуя собой цикличное время, памятники становятся центром социальной или культурной жизни по определенным датам, вокруг них выстраиваются определенные ритуалы. Это означает, что памятники остаются общим местом не только на топографической карте местности, но и в сознании людей, являясь необходимым элементом культурного кода сообщества. Более того, с момента публикации в 1927 году текста Музиля претерпела изменения сама концепция городских памятников: если раньше монументы служили символом чести и славы, вызывая чувство гордости, то сегодня акценты сместились в сторону активной работы со зрителем и усложнения картины восприятия.

И все же некоторые памятники словно бы выпадают из сферы общественного внимания — утрачивается ритуальная традиция их почитания, обрывается связь с сообществом, которому был адресован императив памяти, или идейная составляющая перестает отвечать актуальности и адекватности настоящего момента. Такие памятники подвергаются селективному забвению — забвению, стирающему неактуальные следы прошлого в настоящем. Селективное забвение по своей сути остается нейтральным — оно не преследует определенных социальных или политических целей, а потому является естественным регулятором исторических процессов, в отличие от негативных форм забвения.

Однако селективное забвение памятников, так или иначе связанных с трудным прошлым, эфемерно: сегодня особенно ясно прослеживается тенденция их актуализации и проблематизации — с последующим возвращением в общественный дискурс. Таким образом, фигуры прошлого, укорененные в городских пространствах, становятся предметом конфликтов настоящего, их вербализацией и материализацией, а значит, и требуют пристального внимания этики.

В предстоящем докладе предлагается рассмотреть такие конфликтные ситуации и способы их разрешения на примерах споров вокруг памятников Феликсу Дзержинскому в Москве, Сесилу Родсу в Оксфорде и Карлу Люгеру в Вене.

Источники и литература

- 1) Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М., 2019.
- 2) Музиль Р. Памятники // Музиль Р. Малая проза: Избранные произведения в 2-х т. М., 1999. Т. 2. С. 133–136.
- 3) Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.
- 4) Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.